

92

P89

5A-273

РУССКІЙ БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Павель, преподобный — Петръ (Илейка).

Изданъ подъ наблюдениемъ предсѣдателя Императорскаго
Русскаго Историческаго Общества **А. А. Половцова.**

ИНСТИТУТЪ ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО
МЕГАПРОЕКТ
"ТУМАНКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА"
книги для российских библиотек

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

62-27334202
0 12
12

штаба и 6-го декабря 1860 года назначен состоять при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ великихъ князьяхъ Александрѣ Александровичѣ (впоследствии императорѣ Александрѣ III) и Владимірѣ Александровичѣ. Эту обязанность онъ отправлялъ до 1862 года, когда назначенъ былъ (17-го апрѣля) генераль-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, а въ 1865 году произведенъ въ генераль-лейтенанты. Августа 16-го 1874 г. состоялось назначеніе гр. Перовскаго членомъ Государственнаго Совѣта, а 16-го апрѣля 1878 года онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи. Последніе годы П. для леченія болѣзни находился въ Каннѣ, на югѣ Франціи, гдѣ и скончался 25-го ноября 1881 года.

Графъ Перовскій былъ женатъ на Софіи Константиновнѣ Булгаковой, дочери извѣстнаго Петербургскаго почтдиректора К. Я.; онъ имѣлъ всѣ ордена до знаковъ ордена св. Александра Невскаго включительно.

В. А. Перовскій собралъ богатую коллекцію автографовъ, поступившихъ по его кончинѣ въ Чертковскую бібліотеку въ Москвѣ.

«Отчетъ по Государственному Совѣту за 1881 г.» С.-Пб. 1883 г., стр. 32—35; «Новое Время» 1881 г., № 2067; «Военный Календарь» на 1883 г., стр. 161; «Русская Родословная книга» князя А. В. Лобанова Ростовскаго, т. II, С.-Пб., 1895 г., стр. 85; «Семейство Разумовскихъ» соч. А. А. Васильчикова, т. II, стр. 113; «Русскій Архивъ» 1881 г., т. III, стр. 475; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1881 г., № 299; «Русскій Инвалидъ» 1881 г., № 263; «Русскій Архивъ» 1865 г., стр. 823. П. Майковъ.

Перовскій, графъ *Василій Алексѣевичъ*, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи, членъ Государственнаго Совѣта и Адмиралтействъ-Совѣта, одинъ изъ выдающихся дѣятелей царствованія императора Николая I. Третій изъ сыновей графа А. К. Разумовскаго, Василій Алексѣевичъ Перовскій родился 9-го февраля 1795 года въ Почепѣ, Черниг. губ.; воспитывался онъ въ Москвѣ и, по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата, поступилъ въ Муравьевскую школу колонновожатыхъ, откуда былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 1811 году. Въ 1812 году Василій Алексѣевичъ былъ назначенъ квартирмейстерскимъ офице-

ромъ при казачьихъ полкахъ въ арріергардѣ 2-й, Баграціоновской, арміи и состоялъ все время при генералѣ Винценгероде. Восемнадцатилѣтнимъ юношей Василій Алексѣевичъ участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, во время котораго ему непріятельской пулей оторвало указательный палецъ на лѣвой рукѣ, вслѣдствіе чего онъ всегда потомъ носилъ на немъ длинный серебряный наконечникъ. 1-го сентября 1812 года, при отступленіи русскихъ войскъ, Перовскій съ двумя казаками, отправился въ Москву и 2-го сентября ѣздили по городу, исполняя порученія. Возвращаясь въ 5-мъ часу черезъ Лефортовскую заставу, Перовскій увидѣлъ два небольшіе конные отряда и двухъ генераловъ: русскаго и французскаго; послѣдній былъ генераль Себастіани. Разговоръ между ними происходилъ о пропускѣ русскихъ войскъ, отрѣзанныхъ французами. Генераль Себастіани заключилъ перемиріе и разрѣшилъ пропускъ войскамъ, позволивъ и Перовскому ѣхать въ свой лагерь. Однако, видя, что Перовскій замѣшкался, отыскивая своихъ казаковъ и отсталъ отъ своихъ, вернулъ его обратно и направилъ въ Москву къ королю Неаполитанскому—Мюрату, остановившемуся въ домѣ Баташевыхъ за Яузскимъ мостомъ. Мюратъ принялъ Перовскаго въ кабинетѣ и былъ очень удивленъ, узнавъ, что передъ нимъ не плѣнный русскій офицеръ; однако, на возвращеніе въ русскій отрядъ разрѣшенія не далъ, а направилъ его къ Бертье. По пути Перовскій видѣлъ, какъ вели на казнь русскихъ плѣнныхъ, обвинявшихся въ поджигательствахъ, и это зрѣлище сильно взволновало его. Бертье также отказалъ въ просьбѣ Перовскаго о пропускѣ черезъ французскую линію и объявилъ ему, что доложить о немъ императору. Въ ожиданіи результатовъ П. былъ посаженъ въ церковь, въ которой просидѣлъ совершенно забытый цѣлыя сутки въ самомъ ужасномъ нравственномъ состояніи. На утро 5-го сентября нѣсколько французовъ съ офицеромъ во главѣ, сломавъ замокъ, вошли въ церковь и начали ее грабить. Увидя русскаго офицера, солдаты донесли о немъ начальнику, который приказалъ имъ отвести плѣнника въ подвалъ, въ которомъ были заперты осужденные на

смерть «поджигатели». Услышавъ роковой приговоръ, Перовскій вырвался отъ солдатъ, догнавъ уходящаго офицера и объяснилъ ему, какимъ образомъ попалъ въ церковь. Французскій капитанъ въ весьма вѣжливой формѣ извинился за свою ошибку, которая, впрочемъ чуть не стоила жизни Перовскому и приказалъ отвести его къ принцу Экмюльскому—маршалу Даву. Даву грубо обошелся съ Перовскимъ и вдругъ будто узнавъ въ немъ офицера, взятаго въ плѣнъ подъ Смоленскомъ и бѣжавшаго отъ французовъ. Маршалъ несомнѣнно ошибался: Перовскій никогда въ плѣну не былъ, но очевидно онъ очень походилъ на бѣжавшаго плѣнника, такъ какъ Даву настаивалъ на своемъ и въ концѣ концовъ приказалъ Перовскаго разстрѣлять, что и было бы исполнено, если бы вдругъ суровому Даву не пришло въ голову проверить личность Перовскаго черезъ адъютанта, бывшаго подъ Смоленскомъ при взятіи въ плѣнъ бѣжавшаго затѣмъ офицера. Позванный адъютантъ пристально посмотрѣлъ на Перовскаго. «Нѣтъ, это не тотъ!» сказалъ онъ,—и судьба Перовскаго была рѣшена; онъ былъ спасенъ, но все же остался военнопленнымъ, такъ какъ трехдневное пребываніе его въ лагерѣ французовъ не давало маршалу возможности отпустить его. Тяжелая жизнь съ цѣлымъ рядомъ испытаній началась для Перовскаго. Онъ былъ помѣщенъ въ ужасномъ подвалѣ, исполнялъ разныя работы, ходилъ съ прочими рѣзать быковъ для французской кухни и въ теченіе 12-ти дней занимался исключительно мясницкимъ ремесломъ. Наконецъ, партія плѣнныхъ вмѣстѣ съ отступавшими французами двинулась къ Смоленску. На первомъ же переходѣ конвойный французъ отобралъ сапоги отъ Перовскаго, предоставивъ ему идти босикомъ по замерзшей грязи. Ноги болѣли у П., силы ему измѣнялись, а отдыхать было невозможно, такъ какъ французы разстрѣливали отстававшихъ. Перовскій въ своихъ запискахъ съ ужасомъ вспоминаетъ, какъ однажды на его глазахъ французъ, приставя дуло своего ружья къ головѣ изнеможеннаго русскаго плѣнника, три раза спускалъ курокъ,—и трижды ружье его давало осѣчку.

Въ теченіе полугода длилось мучительное движеніе, и вотъ, будучи уже въ Орлеанѣ и узнавъ, что около города показались казаки, Перовскій вмѣстѣ съ другимъ плѣнникомъ — П. Н. Семеновымъ рѣшился бѣжать. 9-го февраля они покинули бивуакъ и, преодолевъ множество опасностей, наконецъ нашли проводника. У Перовскаго было 300 франковъ, за которые одинъ крестьянинъ и согласился вывести бѣглецовъ къ русской линіи. «Надо быть въ плѣну», пишетъ Перовскій въ своихъ запискахъ, «и вытерпѣть то, что я вытерпѣлъ, чтобы понять чувство надежды черезъ нѣсколько минутъ быть среди соотечественниковъ и на свободѣ». Однако, проводникъ ошибся и вывелъ плѣнниковъ не туда: они прямо наткнулись на французскій пикетъ и были взяты имъ снова въ плѣнъ, въ которомъ Перовскій и находился до взятія Парижа. Вернулся Василій Алексѣевичъ въ Россію, перенесъ тяжелыя испытанія, пройдя тяжелый путь, который, однако, на всю жизнь закалялъ въ немъ силу воли, умѣнье переносить всѣ невзгоды и выработавъ твердый рѣшительный характеръ и то достоинство полководца и солдата, которыми онъ особенно отличался. По окончаніи войны Перовскій былъ зачисленъ въ Гвардейскій Генеральный Штабъ (въ 1814 г.) и состоялъ нѣкоторое время адъютантомъ генерала П. В. Голенищева-Кутузова. Въ 1816 г. онъ былъ опредѣленъ въ л.-гв. Егерскій полкъ. До назначенія въ 1818 г. адъютантомъ къ великому князю Николаю Павловичу Перовскій сопровождалъ великаго князя въ 1816 и 1817 годахъ въ его образовательномъ путешествіи по Россіи и чужимъ краямъ. Въ началѣ 1818 года П. окончательно сблизился съ великимъ княземъ и сдѣлался любимцемъ будущаго государя. Въ этомъ же году онъ состоялъ на службѣ въ Измайловскомъ полку (съ 12-го февраля 1818 г.) и 28-го апрѣля того же года былъ произведенъ въ капитаны, а 10-го ноября 1819 г.—въ полковники.

Въ 1818 году (17-го апрѣля), когда въ Кремлѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, у великой княгини Александры Теодоровны и великаго князя Николая Павловича родился августѣйшій перве-

нецъ — сынъ Александръ, Перовскій былъ посланъ въ Петербургъ для извѣщенія императора Александра I объ этомъ радостномъ событіи, что и упомянуто въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя Перовскаго отъ 26-го августа 1856 года. Въ 1818 году при дворѣ великаго князя Николая Павловича появился Жуковскій. Знакомый съ братомъ Перовскаго Алексѣемъ Алексѣевичемъ, извѣстнымъ въ литературѣ подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго, Жуковскій быстро сошелся съ В. А., и между ними завязались самыя дружескія отношенія, которыя не прерывались до конца ихъ жизни. Письма великаго писателя къ Перовскому дышали любовью и искренностью. Стихотвореніе его, написанное Перовскому послѣ 1818 года: «Товарищъ, вотъ тебѣ рука» краснорѣчиво говоритъ объ отношеніяхъ Жуковскаго къ Василию Алексѣевичу, рисуя при этомъ и личность самого Перовскаго. Вообще Василий Алексѣевичъ умѣлъ выбирать друзей. Его обширный умъ искалъ ихъ среди образованныхъ, выдающихся людей, той эпохи. Карамзинъ, Пушкинъ, кн. Вяземскій и другія извѣстныя лица были въ числѣ ихъ. Самъ Перовскій, человекъ, какъ про него говорили, «по-европейски образованный», былъ желательнымъ собесѣдникомъ въ кружкѣ ученыхъ людей, а его жизненный опытъ при молодыхъ лѣтахъ придавалъ еще болѣе вѣса его сужденіямъ — голосъ Перовскаго тогда уже имѣлъ свое значеніе.

Въ 1822 году Перовскій сильно заболѣлъ и принужденъ былъ уѣхать въ Италію, гдѣ и пролѣжалъ почти два года. Въ 1824 году онъ вернулся въ Петербургъ. Послѣ кончины императора Александра Павловича, состоя адъютантомъ при Николаѣ Павловичѣ, Перовскій исполнялъ его приказанія во время междоусобицы; при вступленіи же на престолъ императора Николая I, Перовскій въ чинѣ полковника былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и, находясь при императорѣ во время возмущенія 14-го декабря 1825 года, получилъ ударъ въ спину полѣномъ, когда толпа мятежниковъ, собравшихся на Исаакиевской площади, грозила нападеніемъ на государя. Въ 1827 году императоръ Николай I послалъ Перовскаго изслѣдовать безпорядки въ Черно-

моріи. Среди зимы Василий Алексѣевичъ прибылъ въ Керчь, затѣмъ въ Екатеринодаръ, гдѣ и изслѣдовалъ поступки атамана черноморскихъ казаковъ Власова, обвинявшагося въ злоупотребленіяхъ, а оттуда выѣхалъ въ Тамань въ началѣ апрѣля 1828 г. Теперь Перовскому пришлось дѣйствовать противъ крѣпости Анапы. Собрать небольшой отрядъ, порученный его начальству, Василий Алексѣевичъ засталъ въ камышахъ Кубани и ожидалъ появленія флота, чтобы перейти рѣку и одновременно съ флотомъ атаковать крѣпость. Между тѣмъ флотъ, задержанный встрѣчнымъ вѣтромъ, не приходилъ, но когда, наконецъ, 2-го мая показались на горизонтѣ корабли, крѣпость была взята, и въ этомъ славномъ дѣлѣ П. выказалъ свою обычную храбрость и распорядительность; за это онъ получилъ орд. Георгія 4-й ст. Въ томъ же году Перовскій принималъ дѣятельное участіе во взятіи Варны, но во время штурма онъ былъ раненъ въ лѣвую сторону груди. Пулю пришлось вырѣзывать, и операція эта выѣстъ съ прежней контузійей въ спину, весьма неблагоприятно отозвалась на его богатырскомъ до того здоровьѣ; въ особенности пострадали его легкія, вслѣдствіе чего Василий Алексѣевичъ всегда носилъ на лѣвомъ боку фонтонель. По выздоровленіи отъ раны и послѣокончанія Турецкой войны, В. А. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (28-го іюня 1828 г.) съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества и получилъ орденъ св. Анны 1-й степени, а затѣмъ отправился въ Италію къ умиравшему другу своему, племянницѣ Жуковскаго А. А. Воейковой, къ которой, какъ и къ дядѣ ей, питалъ самую теплую дружбу. П. по возвращеніи изъ отпуска въ 1829 году П. былъ назначенъ директоромъ Канцеляріи Морского штаба и зачисленъ въ корпусъ флотскихъ штурмановъ. Теперь уже совершенно подготовленный къ самостоятельной дѣятельности, испытанной и жизнью, и рядомъ военныхъ дѣлъ, съ выработанными взглядами и характеромъ, умственно и научно развитой, любимый императоромъ, Перовскій не смотря на свой небольшой чинъ вдругъ получилъ важный и отвѣтственный постъ. Въ 1833 г. на 38-мъ году, въ чинѣ генералъ-маіора, Василий Алексѣевичъ былъ назначенъ

на мѣсто скоропостижно умершаго 20-го марта того же года генераль-адъютанта графа Павла Петровича Сухтелена, — Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командующимъ отдѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ. Оренбургъ впервые со дня своего существованія встрѣчалъ такого молодого губернатора: до того времени постъ начальника обширнаго Оренбургскаго края, пограничнаго въ тѣ времена, когда орды дикихъ кочевниковъ постоянно производили на него набѣги, занимали люди старые, заслуженные, испытанные временемъ и имѣвшие административный опытъ: Ив. Ив. Неплюевъ, князь А. А. Путятинъ, И. В. Якоби, баронъ О. А. Игельстромъ, князь Г. С. Волконскій и другіе. Молодой Перовскій прибылъ въ край, будучи снабженъ огромными полномочіями, какихъ еще не имѣли его предшественники и когда, по приѣздѣ его въ Оренбургъ, начальникъ 26-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантъ Жемчужниковъ не захотѣлъ явиться къ нему, считая себя старшимъ, то былъ тотчасъ уволенъ въ отставку, а Перовскій вслѣдъ за этимъ случаемъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты (6-го декабря 1833) съ назначеніемъ генераль-адъютантомъ. Первой заботой П. по приѣздѣ въ Оренбургъ, было ознакомленіе съ новымъ краемъ, особенно съ пограничной полосой его, гдѣ подданные наши киргизы, кочевавшіе по степямъ, начинающимся за Ураломъ, дѣлали набѣги на русскіе поселки и даже на пригороды, увозили русское населеніе далеко въ степи и продавали ихъ тамъ въ рабство хивинцамъ и въ Бухару. Преслѣдованіе хищниковъ являлось невозможнымъ, степи были совершенно неизвѣстны русскимъ, и углублявшіеся далеко въ нихъ казаки зачастую гибли сами, попадаясь въ руки кочевниковъ. Во избѣжаніе этого бывшій губернаторъ князь Волконскій строго запретилъ преслѣдовать киргизовъ и далеко углубляться въ степи. Такимъ образомъ, киргизы свободно грабили имущество русскихъ крестьянъ, угоняли табуны, стада и часто безнаказанно увозили людей. Одиночному жителю нельзя было выйти за городъ. Адаевцы, эти самые смѣлые и непокойные киргизы, особенно отличались дерзкими нападеніями; они за-

нимали ю.-в. полосу Каспійскаго побережья и, вслѣдствіе отдаленности и недоступности, упорно отстаивали свою независимость, служа единовѣрной Хивѣ и презирая законы и власть надъ ними Россіи. Вотъ въ это то тяжелое время и прибылъ въ край Перовскій. Онъ обратилъ особенное вниманіе на дерзкихъ кочевниковъ и старался оградить русское населеніе отъ ихъ хищническихъ набѣговъ. Для этой цѣли Перовскій сдѣлалъ распоряженіе о постройкѣ на пути ихъ движенія, на берегу залива Мертваго Култука (Койдакъ, или заливъ Цесаревича) укрѣпленіе, которое и было окончено уже къ осени 1834 года и названо Ново-Александровскимъ. (Въ 1846 году это укрѣпленіе было перенесено на Мангышлакскій полуостровъ къ Тюкѣ Карагайскому заливу съ переименованіемъ въ «Ново-Петровское», нынѣ фортъ Александровскій). Для поддержанія же сообщенія этого укрѣпленія съ Гурьевымъ городкомъ, конечнымъ пунктомъ Оренбургскаго края, Перовскимъ была выработана особая система промежуточнаго сообщенія посредствомъ пикетовъ. Военныя занятія не мѣшали Василю Алексѣевичу заниматься и прочими нуждами своей губерніи: онъ интересовался сельскимъ хозяйствомъ, открылъ въ Троицкѣ, гдѣ вовсе не имѣлось школъ, въ томъ же году уѣздное училище и заложилъ сразу нѣсколько зданій въ Оренбургѣ. Въ 1835 году по представленію Перовскаго о необходимости проложенія новой укрѣпленной линіи отъ крѣпости Орской по прямому направленію степью къ сѣверо-востоку на рѣку Уй до редута Березовскаго, ходатайство его было утверждено въ томъ же году (5-го марта), и подъ личнымъ наблюденіемъ П. были воздвигнуты на этомъ пространствѣ укрѣпленія: Наслѣдницкое, Константиновское, Николаевское и Михайловское съ редутами, между которыми были еще устроены пикеты съ наблюдательными маяками. Какъ бы на зло Перовскому, со времени постановки имъ укрѣпленій кочевники стали съ еще большею смѣлостью производить нападенія. Весною 1836 года ими былъ увезенъ смотритель Эмбенскихъ водъ, лѣтомъ у рѣки Ирги́за былъ ограбленъ караванъ и т. д. Наконецъ, когда осенью на Каспійскомъ морѣ былъ взятъ въ плѣнъ русскій че-

тырехъ - пушечный боть съ командиромъ, орудіями и всей командой, Перовскій, возмущенный подобною дерзостью киргизовъ, послалъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Дренякина отрядъ, состоявшій изъ 1000 человекъ башкировъ при 2-хъ орудіяхъ и 30 стрѣлкахъ, посаженныхъ на коней. Отрядъ этотъ 4-го іюля 1836 года выступилъ изъ Орска, въ теченіе 20-ти дней настигъ хищниковъ въ 500 верстахъ отъ Оренбурга и вернулъ все взятое ими, захвативъ множество скота и плѣнныхъ. Затѣмъ П. командировалъ войскового старшину Осипова съ тремя сотнями казаковъ наказатъ Адаевцевъ, дерзнувшихъ напасть на Ново-Александровское укрѣпленіе. Осиповъ, благодаря прекрасной инструкціи Перовскаго, предусматривавшей всѣ случайности, а также благодаря мужеству казаковъ и личной храбрости, разбилъ скопища въ пескахъ Туйсуйчана, близъ крѣпости Кулашной. Для того, чтобы окончательно отучить адаевцевъ нападать на русскія укрѣпленія, Перовскій начерталъ новый планъ для предстоящаго урока. Для этого онъ предпринялъ въ 1836 году набѣгъ 550 уральскихъ казаковъ подъ командою полковника Мансурова къ полуострову Бузачи. Выступивъ 20-го декабря, уральцы въ Усть-Уртской пустынѣ настигли киргизовъ, многихъ перебили и взяли въ плѣнъ, освободили русскихъ, захваченныхъ кочевниками и угнали столько скота, что продажей его были возмѣщены всѣ расходы по набѣгу. 24-го января 1837 г. уральцы вернулись въ укрѣпленіе, сдѣлавъ по степи въ 21 день, зимою при 25° холода, болѣе 1000 верстъ. Эти уроки, успѣшно преподанные киргизамъ только благодаря умѣлой распорядительности Перовскаго, и водворили полный порядокъ. Весь 1837 годъ прошелъ спокойно, и Василий Алексѣевичъ посвятилъ его мирнымъ занятіямъ. Желая поднять торговлю въ краѣ, онъ исходатайствовалъ еще на 6 лѣтъ продолженіе безпошлинной торговли, предоставивъ русскимъ купцамъ всевозможныя льготы. Для увеличенія же дохода казны и въ видѣ нѣкоторой мѣры наказанія для кочевого населенія, онъ установилъ особый сборъ за пропускъ киргизскаго скота на внутреннюю сторону Оренбургской линіи. Кромѣ того, имъ былъ

учрежденъ также кибиточный сборъ съ киргизовъ прилежащихъ къ Оренбургской губерніи ордѣ. Въ краѣ водворилось спокойствіе, и только въ срединѣ 1838 года киргизы средней орды начали открыто дѣйствовать противъ Россіи. Три главныхъ возмутителя: Серезанъ Каипъ Галиевъ, батырь Джуламанъ и Исетай собрали большія скопища чужеземцевъ и произвели рядъ смѣлыхъ нападеній на русскія укрѣпленія. Положеніе становилось серьезнымъ; Перовскій видѣлъ, что здѣсь не киргизы играли главную роль: онъ сразу устремилъ свой взоръ на настоящій источникъ всѣхъ золъ — на Хиву. Разбивъ на голову шайку Исетая, потомъ на Эмбѣ (полковникъ Геке) Джуламана и др., Перовскій заставилъ мятежниковъ принести повинную, а главарей ихъ бѣжать въ Хиву и продолжалъ бороться съ самымъ опаснымъ и настойчивымъ врагомъ - султаномъ Кениссарой Кассимовымъ. Но не это безпокоило Перовскаго — онъ зналъ прекрасно, что въ концѣ концовъ дерзкіе барантаци (разбойники) покорятся русскому оружію; это обстоятельство меньше безпокоило его, нежели мысль, что у хивинскаго хана томилось до 2000 человекъ русскихъ плѣнниковъ, которыми хивинцы торговали, скупая ихъ у киргизовъ за высокую плату. Гибель одного изъ такихъ плѣнниковъ, Щукина, живьемъ зарытаго въ землю, заставила Василия Алексѣевича дѣйствовать энергичнѣе, тѣмъ болѣе, что не одинъ только Щукинъ нашелъ себѣ въ Хивѣ мученическую смерть. Когда въ 1836 году на пограничную линію нашу вышло изъ Хивы до 500 купеческихъ каравановъ съ азіатскими товарами на сумму свыше 1½ милліона рублей, Василий Алексѣевичъ тотчасъ же приказалъ задержать ихъ и до тѣхъ поръ не выпускать изъ границъ Россіи, пока хивинскій ханъ не освободитъ русскихъ плѣнныхъ. Мѣра эта помогла, и въ слѣдующемъ, 1837 году, въ первый разъ 25 русскихъ плѣнниковъ были освобождены изъ неволи. 18-го ноября прибыли несчастные въ Оренбургъ и были встрѣчены Перовскимъ со всѣмъ городомъ; въ числѣ плѣнныхъ былъ старикъ, который пробылъ въ плѣну 55 лѣтъ. Увидя, что хивинцы выслали людей, которые имъ были уже

не пригодны къ работѣ, Перовскій сразу понялъ уловку хана и не поддавался на нее. За присланных плѣнных онъ освободилъ только пятерыхъ хивинскихъ купцовъ, а остальные по прежнему остались на линіи. Видя, что Перовскій шутить не любитъ, хивинцы въ слѣдующемъ году прислали еще 5 плѣнниковъ, а въ 1839 году разомъ 80 человѣкъ. Послѣдніе прибыли въ городъ 16-го августа, въ день коронаціи, и самъ начальникъ края угощалъ ихъ обѣдомъ: онъ, бывшій въ плѣну у французовъ, ближе всѣхъ понималъ, что должны были испытывать вернушіеся. Прибывшимъ посламъ хивинскаго хана Перовскій еще разъ объявилъ свое требованіе и одного отпустилъ въ Хиву, а другого задержалъ до возвращенія изъ плѣна всѣхъ безъ исключенія русскихъ невольниковъ. Новые набѣги, очевидно съ цѣлью пополненія возвращенныхъ невольниковъ, сильно повліяли на П. и онъ теперь настойчивѣе началъ хлопотать о походѣ въ Хиву. Еще съ 1833 г., передъ назначеніемъ своимъ въ Оренбургъ, Перовскій думалъ о хивинскомъ походѣ, но его представленіе по этому вопросу не увѣнчалось тогда успѣхомъ: въ военныхъ и придворныхъ сферахъ не сочувствовали стремленіямъ П., указывая на трудность движенія по безводнымъ степямъ и вспоминая при этомъ трагическую смерть князя Бековича-Черкаскаго, а также вслѣдствіе рискованности огромныхъ затратъ, которыя, по мнѣнію военнаго министра А. И. Чернышева, не могли ничѣмъ окупиться.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1838 г. П. готовился къ приему великаго князя цесаревича Александра Николаевича, совершавшаго вмѣстѣ со своимъ наставникомъ Жуковскимъ образовательное путешествіе по Россіи. Много хлопотъ Перовскому стоили эти приготовления, но 28-го іюня онъ, наконецъ, встрѣтилъ августѣйшаго гостя. Возвращаясь изъ Илецкой защиты, куда наслѣдникъ ѣздилъ 14-го іюня осматривать соляныя копи, его императорское высочество былъ остановленъ уральцами, которые подали ему коллективную жалобу на Перовскаго и на различные новые порядки, введенные имъ. Наслѣдникъ былъ очень взволнованъ неожиданностью остановки, но Перовскій вскорѣ привелъ все въ по-

рядокъ, а потомъ раздѣлялся съ казаками, когда получилъ царское повелѣніе «выбить дурь изъ уральцевъ».

Между тѣмъ, мечты П. начинали осуществляться; поведеніе хивинскаго хана уже начинало выводить изъ себя и терпѣливое правительство. Теперь составленный Перовскимъ проектъ походовъ въ Хиву былъ принятъ и принципиально уже рѣшенъ; ожидали лишь окончанія военныхъ дѣлъ Англіи въ Афганистанѣ, для того, чтобы вліяніе наше было выше въ Средней Азіи. Предполагалось смѣстить безпокойнаго хана Хивы и посадить вмѣсто него султана Кайсадскаго. 12-го марта 1839 г. состоялось, наконецъ, утвержденіе журнала особой Коммисіи, состоявшей изъ вице-канцлера графа Несельроде, военнаго министра Чернышева и Оренбургскаго военнаго губернатора Перовскаго; въ журналѣ этомъ, между прочимъ, было постановлено сохранять втайнѣ цѣль движенія отряда вглубь азіатскихъ степей, назвавъ официально это движеніе войскъ экспедиціею съ научною цѣлью для изслѣдованія оазисовъ средне-азиатскихъ пустынь. Успѣхъ предпріятія противъ Хивы, по мнѣнію Перовскаго, заключался въ хорошемъ снаряженіи отряда, въ обезпеченіи продовольствія и въ правильномъ выборѣ времени выступленія. Разсмотрѣвъ всѣ извѣстные пути, Перовскій остановился на линіи отъ Илецкой защиты на Усть-Юртъ и, предполагая до Хивы 1.250 верстъ, рассчитывалъ пройти туда въ 50 переходовъ, не дѣлая ихъ длиннѣе 25 верстъ.

Въ составъ экспедиціоннаго отряда Перовскимъ были назначены 3½ баталіона изъ отборныхъ людей 22-й дивизіи, два батареинныхъ, 4 конныхъ казачьихъ орудія, 8 горныхъ единороговъ и 3 казачьихъ полка: Уральскій, Башкирскій и Оренбургскій. Кромѣ обыкновенной артиллеріи отрядъ былъ еще снабженъ мортирами, ракетами генерала Шильдера, ракетами для сигналовъ и фальшфейерами. При отрядѣ находились также двѣ разборныхъ лодки и шесть бударъ (челновъ) для могущихъ встрѣтиться переправъ. Для поднятія всего транспорта было назначено къ закупкѣ 12.000 верблюдовъ. Предполагая, что экспедиція затянется за полъ-года, Перовскій рѣшилъ двухмѣсячное продовольствіе поднять на вер-

блюдахъ, а также сложить его на пути слѣдованія отряда. Независимо отъ складовъ, Перовскій признавалъ необходимымъ обезпечить продовольствіе отряда во время его пребыванія въ Хивѣ, куда бы оно могло быть привезено изъ ближайшихъ морскихъ пунктовъ; этимъ пунктомъ онъ избралъ Ново-Александровское укрѣпленіе, куда должно было быть доставлено 2.500 четвертей сухарей и 250 четвертей крупъ. Солдатамъ въ пути предполагалось отпускать мясную и винную порцію. Отрядъ долженъ былъ поднаты собою полный комплектъ боевыхъ зарядовъ и патроновъ. Кромѣ того, полкомплекта зарядовъ и миллионъ патроновъ находились: одна половина въ запасномъ артиллерійскомъ паркѣ, слѣдовавшемъ при отрядѣ, а другая—на становищахъ. Понимая, что киргизы могли принести большую пользу отряду, Перовскій, опытный въ обращеніи съ туземцами, достигъ ихъ расположенія щедрыми подарками, розданными старшинамъ и простымъ киргизамъ.

Временемъ выступленія въ походъ Перовскій избралъ весну 1840 года, но, вслѣдствіе оказавшихся потомъ не заслуживавшими уваженія совѣтовъ генерала С. Т. Цюлковскаго, умѣвшаго снискать довѣріе Перовскаго, измѣнилъ свое рѣшеніе. Ловкій полякъ, замѣшанный въ возстаніи 1831 года, сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ и совѣтникомъ Перовскаго; онъ отговорилъ его имѣть въ отрядѣ начальника штаба, отсовѣтовалъ назначать провіантмейстера и вагенмейстера, увѣряя, что тѣ непременно будутъ воровать; онъ взялъ на себя самую обязанность заготовить фуражъ для кавалеріи, начальникомъ которой онъ былъ и назначенъ; Цюлковскому, поэтому, не выгодно было выступленіе раннею весною; онъ гораздо больше бы нажилъ, если бы отрядъ выступилъ зимой; съ этою цѣлью Цюлковскій сумѣлъ убѣдить Перовскаго, что движеніе лѣтомъ по безводной степи будетъ гибельно для отряда, который не будетъ въ состояніи удовлетворить себя водою, между тѣмъ какъ зимою отрядъ не будетъ терпѣть отъ недостатка ея. Въ виду рѣшенія не имѣть вагенмейстера, верблюды не были куплены въ собственность экспедиціи, а наняты съ киргизами лаучами (возчиками). Пе-

ровскій поддался увѣреніямъ ловкаго поляка и послалъ государю донесеніе о выступленіи своемъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1839 г.

Выработавъ типъ теплой одежды (которая, однако, оказалась на практикѣ никуда не годной) Перовскій выслалъ 21-го октября изъ Оренбурга первый транспортъ, а затѣмъ въ 4 дня четырьмя колоннами двинулся и весь отрядъ. Съ перваго дня выступленія ударилъ морозъ въ 30°, но люди шли бодро, и у Джанчи-Карабулакъ, въ 150 верстахъ отъ Оренбурга, оказалось только 34 больныхъ; 5-го декабря отрядъ прибылъ въ Бишъ-Тамакъ, въ 270 верстахъ отъ Оренбурга. Между тѣмъ, Перовскій начиналъ тревожиться донесеніями, получаемыми со становищъ; тамъ люди болѣли цингою и горячкою вслѣдствіе перемѣны климата и воды. 19-го декабря, въ 500 верстахъ отъ Оренбурга, на 32-й день выступленія, отрядъ былъ на рѣкѣ Эмбѣ; здѣсь число больныхъ росло съ каждымъ днемъ; 34 человѣка уже умерло, а въ безнадежномъ состояніи находилось 202. Во время пребыванія въ укрѣпленіи Аты-Якши Перовскій получилъ донесеніе отъ начальника Акбулакскаго укрѣпленія о первомъ натискѣ хивинцевъ, отбитомъ 18-го декабря съ потерей съ нашей стороны 5 убитыхъ и 13 раненыхъ.

13-го января 1840 г. Перовскій прибылъ въ Акъ-Булакъ. Снѣгъ покрывалъ глубокимъ слоемъ весь путь; морозы и вьюги были постоянными спутниками отряда. Верблюды дохли, люди умирали, провіантъ не приходилъ въ виду того что пароходы были затерты льдами. Штабъ Перовскаго, состоявшій изъ людей, жаждавшихъ легкаго отличія, ропталъ; изнѣженные офицеры, не привыкшіе къ подобной обстановкѣ, рвались домой. Изъ 10.000 верблюдовъ осталось всего 5.200, а въ строю осталось только 1.900 человѣкъ,—остальные умерли по пути. Тутъ Перовскій понялъ свою ошибку и проклиналъ Цюлковскаго, кавалеріа, котораго также сидѣла безъ фуража. Въ виду такого тяжелаго положенія, Перовскій рѣшилъ отступить, подкрѣпляя свои заключенія тою мыслью, что лучше быть побѣжденнымъ стихіями, нежели потерять отрядъ, не нанеся никакого вреда непріятелю.

Къ 18-му февраля stanулся отрядъ

на рѣку Эмбу, потерявъ еще 1.800 верблюдовъ. Только 8-го іюня войска вступили обратно въ Оренбургъ, привезя съ собою 680 больныхъ цингою и оставивъ въ степяхъ похороненными 1.000 чело-вѣкъ, да побросавъ въ дорогѣ множе-ство различныхъ запасовъ.

Во время похода П. велъ дѣятельную переписку съ военнымъ министромъ графомъ Чернышевымъ и московскимъ почтъ-директоромъ А. Я. Булгаковымъ, письма къ которому были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1878 г. (т. II, стр. 34 и слѣд.). Въ нихъ В. А. въ са-мыхъ яркихъ краскахъ описывалъ всѣ невзгоды и лишенія, которыя выпали на долю его отряда. Однако, Перовскій даже и въ походѣ сумѣлъ окружить себя такими людьми, какъ извѣстный «Ка-закъ Луганской» В. И. Даль, В. В. Григорьевъ, Ильминскій, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ и Як. Влад. Ханыковъ, къ со-жалѣнію (за исключеніемъ В. И. Даля), не оставившіе своихъ воспоминаній объ этой экспедиціи. Близость же къ Пе-ровскому Цюлковскаго была для всѣхъ загадочна и не соотвѣтствовала тому обществу, которое окружало Василия Алексѣевича даже и въ хивинскихъ сте-пяхъ. Строгій, но справедливый Пе-ровскій по отношенію къ этому чело-вѣку держалъ себя очень странно. Звѣр-ства, которыя позволялъ себѣ Цюл-ковскій въ обращеніи съ измученными солдатами, возмущали весь отрядъ, но Перовскій на все это смотрѣлъ сквозь пальцы; близость этого чело-вѣка была одною изъ темныхъ страницъ дѣятель-ности П. Даже государь, узнавъ о томъ, что довѣреннымъ лицомъ у его любимаго былъ Цюлковскій, писалъ Василию Алек-сѣевичу, прося его держаться подальше отъ «ссылнаго поляка», но Перовскій и здѣсь не измѣнилъ себѣ.

Возвратился П. изъ похода въ ночь на 14-е апрѣля 1840 г., измученный нравственно и физически, подъ тяжкимъ давленіемъ сознанія своей неудачи. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы лично объяснить все государю. Однако, до отбѣзда своего онъ занялся оконча-ніемъ разграниченія степей Сибирскихъ и Оренбургскихъ вѣдомствъ, исходатай-ствовалъ для охраненія спокойствія въ краѣ право судить киргизовъ военнымъ судомъ и, считая ихъ полезными для

Россіи лишь какъ кочевое населеніе, не допускалъ киргизовъ до осѣдлости. Ме-жду тѣмъ, благодаря его же хлопотамъ русскіе купцы, торговавшіе въ степныхъ укрѣпленіяхъ и считавшіеся купцами 2-ой гильдіи, пользовались правами пер-вогильдейства. Сверхъ того, Перовскій открылъ приходскія школы въ Троицкѣ и Челябинскѣ и учредилъ въ г. Орен-бургѣ библіотеку, въ которую выписыва-лись не только русскія, но и иностранныя изданія. Въ настоящее время эта би-бліотека принадлежитъ Оренбургскому отдѣлу Императорскаго Русскаго Геогра-фическаго Общества.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1840 г. П. оставилъ Оренбургъ, а въ іюнѣ докладывалъ го-сударю о своей неудачной экспедиціи, выхлопотавъ награды чинамъ отряда за тѣ лишенія, которыя перенесли они во время суровой зимы въ азіатскихъ степяхъ.

Чувствуя себя не въ силахъ снова обратиться къ административнымъ ра-ботамъ, Перовскій просилъ государя от-пустить его лѣчиться за-границу, такъ какъ турецкая рана его открылась и вообще весь организмъ сильно распах-тался, вслѣдствіе невыгодныхъ климати-ческихъ условій, во время Хивинскаго похода. Въ 1842 г., согласно прошенію, Василию Алексѣевичу былъ уволенъ отъ занимаемыхъ должностей, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта, а въ 1843 г. произведенъ былъ въ генералы-отъ-кавалеріи. За этотъ промежутокъ времени Перовскій лѣчился за-границей, и, «залѣчивъ свою тяжелую турецкую рану», вернулся въ Петербургъ. Въ 1845 г. онъ былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта и награжденъ орденомъ св. Влади-мира 1-ой степени, а въ 1847 г. на-значенъ членомъ Адмиралтействъ-Со-вѣта.

Кабинетная дѣятельность и засѣданія въ Государственномъ Совѣтѣ были не по сердцу Перовскому, привыкшему къ самостоятельной дѣятельности; онъ уже успѣлъ вполне отдохнуть душою и тѣ-ломъ и снова его тянуло въ степи, въ которыхъ онъ пережилъ столько лише-ній и невзгодъ, но которыя не переста-вали быть цѣлью его стремленій. Идея о проложеніи путей въ Азію не пере-ставала его занимать, и онъ снова началъ хлопотать о назначеніи его въ Оренбургъ.

Хлопоты эти на первых порах оказались неудачными, но, наконец, государь уступил просьбам своего любимца, и въ мартѣ мѣсяцѣ 1851 года состоялся приказъ о назначеніи генерала-отъ-кавалеріи, генералъ-адъютанта Перовскаго генералъ-губернаторомъ Оренбургской и Самарской губерній. Соединеніе этихъ губерній было специально сдѣлано для того, чтобы создать постъ, на который было бы прилично назначить заслуженнаго Перовскаго. 29-го мая 1851 г. онъ прибылъ уже въ Оренбургъ, принявъ управленіе отъ генерала В. А. Обручева и со всей энергіей, присущей ему, занялся обзорѣніемъ того, что было сдѣлано за его девятилѣтнее отсутствіе. Теперь уже не Хива, а кокандцы не давали покою Россіи; они подъ прикрытіемъ своихъ крѣпостей производили нападенія на нашихъ подданныхъ киргизовъ, брали съ нихъ подати, угоняли скотъ, словомъ—поступали такъ же, какъ хивинцы до 1839 г. Это обстоятельство заставило Перовскаго выступить въ 1853 г. изъ Оренбурга съ отрядомъ въ 2.170 человекъ при 12 орудіяхъ для занятія Кокандской крѣпости Акъ-Мечеть; 7-го іюня отрядъ прибылъ въ Аральское укрѣпленіе, откуда, по соединеніи съ гарнизономъ этого укрѣпленія, выступилъ далѣе. Во время движенія отряда къ Акъ-Мечети, Перовскій приказалъ заложить укрѣпленія: одно при истокѣ рукава Казалы и Сыра, другое—при впаденіи въ Сыръ-Дарью Караузляка; первое названо было «Фортъ № 1», а второе «Фортъ № 2», а затѣмъ еще была занята крѣпость Кумышъ-Курганъ, названная «Фортъ № 3».

2-го іюля Акъ-Мечеть была обложена нашими войсками подъ личнымъ руководствомъ генералъ-адъютанта Перовскаго. Желая избѣжать кровопролитія, начальникъ отряда поѣхалъ къ стѣнамъ крѣпости для мирныхъ переговоровъ съ кокандцами, но по немъ былъ открытъ огонь, такъ что какіе бы то ни было переговоры были невозможны. Узнавъ о томъ, что въ Акъ-Мечеть спѣшить подкрѣпленіе изъ г. Коканда, Перовскій послалъ генерала Падурова съ 2 сотнями оренбургскихъ казаковъ и 50 башкирцами при 3-хъ-фунтовомъ единорогѣ для занятія крѣпости Джулекъ, лежащей по пути изъ Коканда. 23-го крѣ-

пость эта сдалась, а 27-го отрядъ возвратился обратно. Между тѣмъ, осадныя работы приходили къ концу, и въ ночь на 28-е іюля Перовскій, собравъ военнo-начальниковъ, объяснилъ каждому его задачу. Въ 3¼ часа по полуночи Перовскимъ былъ данъ сигналъ для взрыва. Были пущены 3 ракеты, черезъ нѣсколько минутъ земля вздрогнула и при блѣдномъ свѣтѣ зари поднялись надъ миною и рухнулись обратно 2 тяжелыя глыбы земли; густое облако пыли заволкло крѣпость и страшный вопль раздался внутри ея. Дѣйствіе взрыва было произведено очень удачно. Часть сѣверной стѣны открыла проломъ въ 10 саженъ ширины. Изъ крѣпости открытъ былъ сильный ружейный огонь. По приближеніи къ брешу первой роты капитана Шкуна съ командою охотниковъ лейтенанта Эрдели во главѣ, огонь съ нашихъ батарей былъ прекращенъ. Два раза атаковали брешь солдаты и матросы, и оба раза съ большимъ урономъ отступали ко рву. Наконецъ, третья атака увѣнчалась успѣхомъ; подошедшая вторая рота и 50 казаковъ вмѣстѣ съ остальными бросились на башни, находившіяся справа и слѣва отъ бреши, и овладѣли ими. Весь штурмъ длился 20 минутъ, а въ 4¼ часа крѣпость пала. Комендантъ ея Мухаметъ-Вали былъ убитъ при самомъ началѣ штурма, всѣ сподвижники его, между ними и сотникъ Лефесъ, начальствовавшій надъ крѣпостью при прошлогоднемъ ея штурмѣ, произведенномъ полк. Бларамбергомъ, легли, какъ обѣщались. Изъ крѣпостныхъ валовъ было собрано 230 труповъ, въ плѣнъ было взято 74 человекъ, въ томъ числѣ 35 раненыхъ. Наши потери состояли изъ 9 убитыхъ и 39 раненыхъ нижнихъ чиновъ и 2 тяжело и 5 легко раненыхъ офицеровъ. Во время осадныхъ работъ умерло отъ ранъ 25 человекъ, за то съ самаго прибытія отряда подъ Акъ-Мечеть ни одинъ человекъ не умеръ отъ болѣзней. Перовскій приложилъ всѣ свои заботы къ тому, чтобы обезпечить здоровье людей; онъ самъ постоянно осматривалъ пищу, самъ руководилъ работами, не позволяя людямъ переутомляться. Подъ непріятельскими пулями и оружейнымъ огнемъ В. А. обѣзжалъ батареи, ободряя солдатъ и внушая имъ отвагу и храбрость. «Считаю

долгомъ еще разъ упомянуть»—писалъ онъ въ своемъ донесеніи, «вообще о нижнихъ чинахъ отряда. Всѣ они: саперы, артиллеристы, линейная пѣхота, казаки, башкиры находились во время осады безмѣнно либо на батареяхъ, либо занимаясь проложеніемъ редутовъ. И, несмотря на работу въ ночную сырость и дневной жаръ, подъ мѣткимъ огнемъ противника, люди нисколько не теряли бодрости и трудныя обязанности свои отправляли весело съ отличными усердіемъ и успѣхомъ». Въ Акъ-Мечети Перовскимъ было взято 2 бунчука, 8 значковъ, 2 мѣдныхъ орудія, нѣсколько фальконетовъ, 66 крѣпостныхъ ружей, 150 шашекъ, 2 кольчуги и много боевыхъ запасовъ. По взятіи Акъ-Мечети генераль-адъютантъ Перовскій заложилъ новое укрѣпленіе на мѣстѣ павшей крѣпости, которое и было закончено къ 31-му августа и названо «Фортъ Перовскимъ». Такъ образовалась Сыръ-Дарьинская укрѣпленная линія, имѣвшая въ то время огромное значеніе.

Начавъ такимъ блестящимъ образомъ осуществленіе своихъ завѣтныхъ плановъ, Перовскій находилъ необходимымъ укрѣпиться на занятыхъ мѣстахъ и разъ навсегда открыть свободный доступъ русскимъ въ Среднюю Азію, удержавъ за собою берега Сыръ-Дарьи. Между тѣмъ, кокандцы всѣми силами старались разрушить стремленіе Перовскаго, и шайки ихъ не замедлили появиться въ виду форта. 24-го августа Перовскій отправилъ подъ начальствомъ сотника Бородина отрядъ въ 275 человекъ, который, будучи атакованъ превосходными силами противника, отбивался съ 11 часовъ утра до сумерокъ и понесъ небольшія потери, оставивъ четырехъ убитыми и ранеными 21 человекъ, въ томъ числѣ 2 офицеровъ. 16-го, 17-го и 18-го декабря кокандцы появились у Джулека; 16-го они предприняли обходъ форта, но, встрѣченные отрядомъ полковника Огарева, были имъ обращены въ бѣгство. Трофеями побѣды были 4 бунчука, 7 знаменъ, 17 орудій и 130 пудовъ пороку; за то и русскій отрядъ потерялъ убитыми 7 нижнихъ чиновъ и ранеными 2 офицеровъ и 47 нижнихъ чиновъ. Это была первая и послѣдняя попытка кокандцевъ овладѣть «Фортъ Перовскимъ». Послѣ того Пе-

ровскій считалъ, что съ ихъ стороны дерзкія попытки прекратятся, что и исполнилось на дѣлѣ. Въ 1853 же году Перовскимъ были заказаны два парохода для Сыръ-Дарьи, стоившіе правительству 50.000 рублей; при немъ же была основана Аральская флотилія, произведены промѣры Аральскаго моря и изслѣдованы его берега. Это была одна изъ важныхъ заслугъ Перовскаго. Затрудненное движеніе по степямъ сразу облегчилось водянымъ сообщеніемъ, и суда къ тому же были гарантированы отъ нападенія кочевниковъ, не имѣвшихъ возможности преслѣдовать пароходы.

Въ 1854 году Перовскій получалъ донесенія о военныхъ приготовленіяхъ въ Кокандѣ и Ташкентѣ, а потому главнымъ образомъ спѣшилъ обезпечить безопасность линіи, для чего вошелъ съ представленіемъ объ увеличеніи числа гарнизоновъ въ укрѣпленіяхъ. По его представленію былъ сформированъ баталіонъ тысячнаго состава, предназначенный для службы по Сыръ-Дарьинской линіи. Не разъ самъ Перовскій, верхомъ или на почтовыхъ, объѣзжалъ укрѣпленную линію, стараясь врасплохъ застать подчиненныхъ. Всѣ знали строгость своего начальника и держали себя на чеку.

Кончина императора Николая сильно отразилась на Перовскомъ. Энергія его вдругъ упала; между тѣмъ, вступившій на престолъ молодой императоръ Александръ II ласково отнесся къ Василию Алексѣвичу: 19-го февраля 1855 года, въ день восшествія своего на престолъ, государь написалъ ему письмо, характеризовавшее отношеніе молодого монарха къ Перовскому: «Что во мнѣ происходитъ, любезнѣйшій Василій Алексѣвичъ», писалъ государь, «Вы поймете! Спасибо Вамъ, отъ имени незабвеннаго благодѣтеля нашего, за Вашу долговременную вѣрную и усердную службу при немъ. Я Васъ знаю и Вы меня знаете. Будьте тѣмъ, чѣмъ всегда были. Обнимаю Васъ отъ души». Конечно, письмо это произвело сильное впечатлѣніе на Василя Алексѣвича, но все же онъ чувствовалъ, что время его прошло. Въ августѣ П. поѣхалъ въ Петербургъ проводить на коронацію молодого царя и просить его объ увольненіи на отдыхъ. Но государь обласкалъ Перовскаго и 26-го августа 1856 г., въ день священнаго коронаванія,

пожаловалъ его высшей наградой—бриллиантовыми знаками ордена Андрея Первозваннаго (еще ранѣе, 17-го апрѣля 1855 г., возвелъ его въ графское достоинство). Такая царская милость не дала возможности Перовскому отказаться отъ своей помощи въ трудную минуту первыхъ дней царствованія, и онъ, ободренный, обласканный, съ еще большею нравственною силою вернулся въ Оренбургъ продолжать начатое дѣло. Однако, уже 31-го декабря 1856 г., по настоянію Перовскаго прибылъ въ Оренбургъ генералъ А. А. Катенинъ, чтобы подъ его руководствомъ подготовиться къ предназначенной для него должности Оренбургскаго генералъ-губернатора, но Перовскій оставался полнымъ начальникомъ края до 7-го апрѣля 1857 года. За это послѣднее время своего пребыванія въ краѣ, Перовскій, для предупрежденія на будущее время безпорядковъ на Сырь-Дарьинской линіи, счелъ за необходимость взять Хивинское укрѣпленіе Ходжоніазъ, лежавшее въ 150 верстахъ отъ «Форта Перовскаго» и въ 85-ти верстахъ отъ «Форта № 2». По занятіи укрѣпленій, П. разрушилъ его и возвратился въ «Фортъ Перовскій». Это была послѣдняя военная экспедиція Василия Алексѣевича. Здоровье его ухудшалось, онъ жаловался на боль въ раненомъ боку и, наконецъ, 7-го апрѣля 1857 года былъ уволенъ по болѣзни отъ должности генералъ-губернатора Оренбургскаго края и корпуснаго командира, авслѣдъ затѣмъ уѣхалъ изъ Оренбурга, скромно отклонивъ проводы подчиненныхъ.

Память о Перовскомъ настолько твердо сохранилась между оренбургскими жителями, что и теперь казаки поютъ о немъ пѣсни. При всей своей строгости, иногда доходившей до жестокости, Перовскій былъ любимъ своими подчиненными; недовольны имъ были только уральцы, да и тѣ болѣе были противъ новыхъ порядковъ, введенныхъ по распоряженію свѣше, такъ что Перовскій являлся лишь исполнителемъ руководящей воли.

Василій Алексѣевичъ Перовскій былъ человѣкомъ высокихъ идеаловъ, сильныхъ страстей и великодушныхъ побужденій. При дарованіяхъ и художественномъ складѣ ума, онъ отличался твердымъ, самостоятельнымъ характе-

ромъ. Впродолженіе трехъ царствованій онъ сумѣлъ пріобрѣсти полное расположеніе государей, проводя большую часть своей дѣятельности вдали отъ двора и столичнаго блеска. Вслѣдствіе неограниченнаго довѣрія къ П., императоръ Николай давалъ Василию Алексѣевичу особые бланки за своею подписью: на нихъ П. имѣлъ полномочіе написать все, что онъ нашелъ бы нужнымъ. Работая для пользы отечества, Перовскій не щадилъ своего здоровья, которое до того разстроилось, что онъ по совѣту врачей принужденъ былъ уѣхать въ Крымъ, гдѣ и носелился въ имѣніи князя Воронцова—Алупкѣ. Тамъ и скончался графъ Перовскій 8-го декабря 1857 г. Послѣ Василия Алексѣевича не осталось наслѣдниковъ: женатъ онъ не былъ, а побочный сынъ его Алексѣй умеръ въ молодости. Такимъ образомъ, линія Василия Алексѣевича совершенно прекратилась, и онъ умеръ, оставя по себѣ только одно дѣтище «Фортъ Перовскій».

Приложеніе къ III выпуску Сборника «Русскій Туркестанъ»; «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей» 1860 г., кн. I; Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, ч. III, стр. 87 и ч. VII, стр. 208; Письма и бумаги, хранящіяся въ Публичной Библиотекѣ; «Энциклопедическій Словарь Брокгауза», буква П., стр. 348; Сборникъ историч. матеріаловъ изъ архива Собств. Е. И. В. Канцеляріи, т. VII, С.-Пб. 1895 г., стр. 18; Д. И. Романовскій. Запѣтки по средне-азиатскому вопросу. С.-Пб. 1888, стр. 25; Тайное общество и 14-е декабря 1895 г. Лейпцигъ. s a., стр. 55; А. Н. Пыпинъ: «Исторія русской этнографіи», стр. 343. Мѣсяцесловъ на 1859 г., стр. 327; «Военный Сборникъ» 1872 г., № 5, стр. 58; «Историческій Вѣстникъ» 1891, X, 172—182; 1898 г., VIII, стр. 538; «Уральскій Листокъ» 1894 г., № 42 и весь этотъ годъ; «Правительственный Вѣстникъ» 1871 г., № 142; «Русская Старина» 1886 г., т. LII, 1888 г., т. LVII, т. LVIII, т. LIX, т. LX, 1889 г., т. LXI, т. LXIII, 1890 г., т. LXVI, т. LXVIII, 1891 г., т. LXIX, т. LXX, т. LXXII, 1892 г., т. LXXIII, т. LXXIV, т. LXXV, 1894 г., т. LXXXII, июль, ноябрь, 1895 г., № 4, 1896 г., т. LXXXVI, № 5, стр. 409—429 и № 6, стр. 521—551. 1897 г., октябрь и ноябрь, т. LXXXIX, 1898 г., т. XCV, августъ; «Русскій Архивъ» 1865 г., № 3; 1867 г. (статья В. И. Дала), 1870 г. (въ Запискахъ Имбергера), 1872 г., 1873, 1877, кн. 3; 1878, кн. 1—3; 1879 г., кн. 2; 1880, кн. 3; 1881 г., кн. 1; 1883, кн. 3; 1886, кн. 1; 1888, кн. 2; 1889, кн. 1; 1891 г., 1895 г., кн. 2 и 3; 1896 г., кн. 1 и 3; 1897, кн. 1 и 2; «Историческій Вѣстникъ». 1882 г., т. X; 1883, т. XIII; 1886, т. XXIII; 1894, т. LVIII; 1899 г., т. LXXXVI. Уже по отпечатаніи этой статьи вышла въ свѣтъ работа И. Н. Захарьина: «Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву», С.-Пб. 1901 г. Б. Татевъ.